

В. БРЮСОВ И О. ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ-АДАН¹

© 2013 г. А. Д. Савина

Тема статьи – характер осмысления В. Брюсовым творчества и судьбы позднего французского романтика О. Вилье де Лиль-Адана (1838–1889). Признанный проводник французской культуры в России, В. Брюсов делал неоднократные попытки представить писателя отечественной читательской аудитории. Показано, что последовательное внимание русского символиста к фигуре Вилье вызвано не только симпатией к его творчеству, но и своеобразием его литературной репутации (“проклятый из проклятых”). Отмечаются случаи пересечений произведений малой прозы Брюсова с новеллистикой Вилье де Лиль-Адана.

The article describes different forms of V. Bryusov's response to the work and destiny of the French late Romantic Villiers de l'Isle-Adam's. A recognized propagator of the French culture in Russia, V. Bryusov made numerous attempts to introduce this writer to the Russian readership. As the author of the article clarifies, the Russian symbolist's continuous attention to Villiers's figure can be explained not only by his fondness for Villiers's works, but also by Villiers's odd literary reputation (“the most cursed of the cursed”). Some interesting concurrences between Bryusov's stories and Villiers de l'Isle-Adam's novelettes are noted, too.

Ключевые слова: русско-французские литературные связи, литературная репутация, новеллика.

Key words: Russian-French literary relations, literary reputation, short stories.

Факт значительного воздействия Брюсова на литературу и культуру своего времени неоспорим. За ним как переводчиком, литературным критиком, редактором, фактическим издателем “Весов” еще при жизни закрепилась слава ценителя и популяризатора западной литературы, в особенности “новой французской поэзии”. Деятельность Брюсова в контексте русско-французских литературных связей не однажды затрагивалась исследователями [1–4]. Однако почти без внимания остался интерес Брюсова к О. Вилье де Лиль-Адану – представителю “новой французской литературы”, “проклятому поэту”, в произведениях которого (в большинстве своем прозаических) по-разному варьируется соотношение романтической традиции и символистского мироощущения.

Творчество Вилье де Лиль-Адана занимало двойственное положение в русском модернистском сознании. Талант и мастерство его не подвергались сомнению, его имя упоминалось в

одном ряду с именами признанных кумиров эпохи – Бодлера, Э. По, Верлена, Малларме. Но упоминания эти не были частыми, еще реже встречались проявления глубокого и целенаправленного интереса непосредственно к творчеству Вилье. Будучи своего рода эталоном, оно все же оставалось, скорее, явлением фоновым. “Никто ... не полюбил его [Вилье де Лиль-Адана] той любовью, которая усваивает другой литературе чужеземного автора, как родного”, – писал Брюсов в 1912 г. [5, л. 2]. Это утверждение не совсем справедливо: творчеством французского писателя был по-настоящему увлечен М. Волошин, посвятивший его произведениям несколько восторженных рецензий и тщетно пытавшийся опубликовать свой перевод драмы “Аксель” (впрочем, вполне возможно, что при написании процитированных нами строк Брюсов еще не был знаком ни с развернутой статьей Волошина о Вилье и его драме [6], ни с волошинским переводом)². Кроме того, существенные шаги для ознакомления русской публики с творчеством Вилье де Лиль-

¹ Работа выполнена в рамках научно-исследовательского российско-французского проекта “Русская франкофония (XVIII – начало XX века)”, поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда и фонда “Дом наук о человеке” (Франция), № 13-24-08001.

² Статья «Апофеоз мечты и смерти. (Трагедия Вилье де Лиль-Адана “Аксель” и трагедия его собственной жизни)» и перевод драмы “Аксель” были завершены М. Волошиным в 1909 г., однако статья появилась в журнале “Аполлон” позже – в 1912 г. (№ 3/4), и только в 1975 г. был опубликован в сокращении волошинский перевод первой части “Акселя”.

Адана предпринял и сам Брюсов. Вождя русского символизма, большое значение придававшего выстраиванию собственного образа в глазах современников и потомков, фигура французского писателя привлекала также необычностью его литературной судьбы, противоречием между восторженным отношением к его произведениям критиков, исследователей творчества, биографов и равнодушия читательской массы.

Брюсов обращался к творчеству Вилье де Лиль-Адана как издатель, переводчик, критик, писатель-новеллист, восприимчивый к литературному опыту предшественников. Осмысление причин этой настойчивости позволяет не только дополнить картину французских интересов Брюсова, но и выявить особенности его отношения к проблемам литературной репутации и формирования читательского сознания, а также “подобрать ключ” к некоторым произведениям малой прозы русского символиста.

1.

Вероятно, впервые с именем Вилье де Лиль-Адана В. Брюсов встретился в статье З. Венгеровой “Поэты-символисты во Франции”, с которой, как известно из дневниковых свидетельств³, началось его знакомство с символизмом. Имя интересующего нас писателя упоминается в следующем контексте: “Он [Бодлер] впервые воплотил в художественные образы ту болезненную жажду познания и то страстное и безнадежное стремление найти божество в природе, которое привело новейших символистов то к всеотрицанию и беспощадной иронии Вилье де Лиль-Адана, то к временному успокоению в мистицизме католического культа” [7, с. 119].

Причисление к ряду “новейших символистов” не могло не привлечь внимания Брюсова. Однако З. Венгерова ограничивается только этим упоминанием, обращаясь далее к творчеству других авторов. Более глубокое впечатление о фигуре французского писателя юный русский поэт получил благодаря другому источнику – восторженному очерку Верлена из книги “Les poètes maudits” (“Проклятые поэты”) [8]. К.С. Сапаров пишет: «Для Брюсова, знавшего о символизме из вторых рук, эссе Верлена о французских поэтах стали откровением. ... В.К. Станюкович, часто

общавшийся в эти годы с Брюсовым, вспоминал, что эта книга не сходила с его бюро. Верлен ввел в европейскую культуру понятие “maudit” – “проклятые, отверженные” – поэты (впоследствии вообще люди искусства), отмеченные печатью гениальности, как Рембо или Малларме, но не признанные критиками, отвергаемые и гонимые обществом» [9, с. 322–323]. Весьма существенно, что и через двадцать лет, размышляя над феноменом Вилье, Брюсов именно в непреходящей “проклятости” увидит необычайность его творческой судьбы. О том, что начинающему русскому символисту Вилье де Лиль-Адан – “мастер отточенной новеллы”, *драматург* и *романист* – предстал впервые в облике *поэта*, более того, “проклятого поэта”, свидетельствует один любопытный эпизод, как кажется, заслуживающий рассмотрения.

После прочтения статьи “Поэты-символисты во Франции” Брюсов начинает активно осваивать творчество французских символистов. В тетради лирических стихотворений 1893–1894 гг. появляется раздел “Символизм”, в котором наряду с собственными стихотворениями фигурирует большое количество переводов (настоящих и мистифицированных), в основном “Из Верлена”. Раннему периоду брюсовского освоения французских символистов и его пробам пера в области поэтического перевода посвящено немало научных изысканий. Нас же привлекает один обоим вниманием факт: помещенное в разделе “Мартовские мелочи” стихотворение “Adieu”, датированное 26-м марта 1893 года. Приведем эту запись:

Adieu

Et tes cheveux couleurs de deuil
Ne font plus l'ombre sur mes rêves.

Villiers

В темные волны лживых кудрей
Сладко зарыться мысли моей,
Только рассудок строгой рукой
Прочь увлекает грез моих рой.

Взоры рассудка ночи темней,
Сердце тоскует в маске своей: –
Темные кудри лживой волной
Не закрывают грез моих рой.

26.3 [10, л. 56].

Прежде чем обратиться к одноименному стихотворению Вилье де Лиль-Адана, к которому однозначно отсылают эпиграф и название, рассмотрим судьбу процитированного восьмистишия. Очевидно, Брюсов не особенно дорожил

³ Так, например, в записной тетради со стихами 1892–1893 гг. стихотворение “Из Римбо” сопровождается более поздней пометой: “Это мистификация. Тогда я еще не читал Римбо, да и вообще с символистами был знаком не непосредственно, а через статью З. Венгеровой в Вестнике <Европы> 1892 № 9” [9, л. 33].

этим опусом (не зря же он попал в раздел “мелочей”), и стихотворение оказалось в числе подаренных А.Н. Емельянову-Коханскому, который не преминул опубликовать его вместе с другими брюсовскими произведениями в своем сборнике “Обнаженные нервы” (1895). При публикации Емельянов-Коханский внес малочисленные правки в текст, снял эпиграф, а вместо заглавия поставил “Из Вилье де Лиль-Адана”, вероятно, на основании эпиграфа сочтя стихотворение переводом. Позднее сам Брюсов в списке “моих стихотворений, опубликов[анных] в сб[орнике] Е[мельянова]-К[оханского]” [11, л. 37], называет среди прочих стихотворение “В темные волны лживых кудрей”, помечая в скобках “Из Вилье де Лиль-Адана”. Этот список и явился причиной того, что в библиографии Брюсова 1976 г. [12] стихотворение фигурирует как перевод из Вилье де Лиль-Адана.

Тем не менее достаточно обратиться к оригиналу, чтобы усомниться в переводном характере брюсовского текста. Стихотворение французского поэта звучит так:

Adieu

Un vertige éparé sous tes voiles
Tenta mon front vers tes bras nus.
Adieu, toi par qui je connus
L'angoisse des nuits sans étoiles!

Quoi! ton seul nom me fit pâler!
– Aujourd'hui sans désirs ni craintes,
Dans l'ennui vil de tes étreintes
Je ne veux plus m'ensevelir.

Je respire le vent des grèves,
Je suis heureux loin de ton seuil:
Et tes cheveux couleur de deuil
Ne font plus d'ombre sur mes rêves⁴.

⁴ Villiers de l'Isle-Adam Conte d'amour // Contes cruels. P., 1893, p.307.

Приведем подстрочный перевод:

Головокружение, рассыпанное под твоими накидками,
Манило меня к твоим обнаженным рукам.
Прощай, та, с которой я познал
Тоску беззвездных ночей.

Как! Одно твое имя заставляло меня бледнеть!
– Сегодня без желаний и страхов
В презренной скуке твоих объятий
Я не хочу больше себя хоронить.

Я дышу воздухом с песчаных берегов,
Я счастлив вдали от твоего порога:
И твои волосы цвета траура
Больше не затемяют моих мечтаний.

Налицо несовпадение смысла брюсовского стихотворения с процитированным только что. Последние две строки опуса русского поэта однозначно являются переводом двух последних строк текста Вилье, но в контексте целого они обретают совсем иное звучание. Объяснить, почему Брюсов не взялся за полноценный перевод стихотворения, оказывается неожиданно просто: источником послужил отрывок, а не полный текст стихотворения. По дневниковому свидетельству, 26 марта 1893 г. Брюсов купил упоминавшуюся уже книгу Верлена⁵. Р.М. Дубровкин указывает, что именно из этой книги жаждущий приобщения к французским символистам поэт берет тексты для перевода стихотворений Малларме “Sainte” и “Apparition” (“Первое стихотворение не было включено Малларме в его сборник 1893 г., и потому найти его по-французски Брюсов не мог нигде, кроме как в верленовском очерке” [3, с. 226]). Как кажется, датированное 26 марта стихотворение “Adieu” также восходит к сборнику Верлена. Немного смущает датировка: стихотворение пишется уже в день покупки книги. И все же это вполне возможно. В пользу предположения говорит не только тот факт, что в очерке о Вилье де Лиль-Адане Верлен цитирует две первые и две последние строки стихотворения “Adieu”, оставляя воображению юного поэта домыслить все остальное, но и еще одно важное обстоятельство: в тетради Брюсова этому стихотворению предпослана мелкая чернильная зарисовка – копия факсимильного портрета Вилье, помещенного в издании “Проклятых поэтов” 1888 г. (в этом издании каждому очерку предпосылается портрет героя).

Несколько строк стихотворения-прощания Вилье (предпоследнего в цикле из семи стихотворений под названием “Сказка любви” с достаточно стандартным сюжетом перехода от любви к освобождению от нее) своеобразно преломились в сознании Брюсова: в его стихотворении прощание вызвано не разочарованием в любви, не холодностью девушки, а непререкаемой волей рассудка, властвующего над “грезами”. Получившееся восьмистишие очень симптоматично для этого периода жизни молодого поэта: последние месяцы 92-го года и первые 93-го прошли под знаком любовных увлечений, перешедших в первый серьезный роман, и наряду с другими переживаниями страницы дневника фиксируют острое осознание почти тиранической власти рассудка:

⁵ Из записи от 26 марта 1893 г.: «Сегодня писал мало и неудачно. Купил “Poètes maudits”» [13, с. 199].

Проклятие тебе, рассудок!

Ты губишь меня; ты не даешь мне наслаждаться счастьем. (26. I. 93) [13, с. 195].

Желание избавиться, уйти от постоянной власти мысли становится повторяющимся мотивом стихотворений этой поры: “Тяжело, когда мысль пробудится, / Усыпить бы ее поскорей / Снова в грезах любви позабыться / Потонуть в мире легких идей” (“Тяжело”; 25.10.92) [10, л. 29 об.]; “Уйти от мысли прочь / Забыться – вот желанье / Окутывает ночь / Мое существование” (“Из Верлена”; 13. 12 [92]) [10, л. 38]; “В минуту сладкого свиданья / Не дремлет мой упорный ум” (“Леле № 8”; 05.01) [10, л. 45]; “Я за то свою мысль ненавижу, / Что в холодном кристалле ее / Я вчерашнее счастье свое / Беспощадно развенчанным вижу” (17.4.) [10, л. 61 об.].

“Лживые кудри”, “лживые волны кудрей”, “сердце в маске” (“маска” – важный атрибут литературного образа Валерия Брюсова) коррелируют с периодически возникающим чувством ложности, иллюзорности отношений, недоверия к себе и возлюбленной:

Ласки и слова Е.А. меня приводят в ужас. Ведь я вижу фальшь и лицемерье. (22 <апреля>)

Мы оба разыграли комедию хорошо. Делали вид, что оба очарованы. (23 <апреля>) [13, с. 200].

Сходные мотивы звучат и в стихах: “Мы клялись в любви, не веря / Целовались, не любя”, “Все прошедшее на свете возвращается опять”, “Знаю, что это игра”.

Таким образом, восьмистишие, выросшее из нескольких строк стихотворения Вилье де Лиль-Адана, процитированного Верленом, вполне органично вписывается в контекст поэтических и дневниковых записей Брюсова.

Между тем, очерк Верлена продолжал присутствовать в сознании Брюсова, и пристрастие французского символиста к цитированию сыграло определенную роль через несколько лет совсем в иных обстоятельствах.

В 1902 г. в журнале “Мир искусства” появляется статья Брюсова “Ненужная правда”, с которой, как указывает О.К. Страшкова, “начались выступления Брюсова по вопросам театра. С неё же, по существу, – и теоретическое вхождение символизма в театральное искусство России” [14, с. 126]. По сути, в этой статье В. Брюсов возражает против попыток добиться полного воспроизведения реальности на сцене, считая, что условность – необходимая и исторически узаконенная принадлежность театрального искусства. Кроме того,

писатель показывает несостоятельность полнейшей реалистичности: «Если даже изображается большое общество, все же говорит только один актер. Когда заговаривает новая группа, прежняя “отходит в глубину сцены” и начинает усиленно жестикулировать» и именно в драматургии Вилье находит пример преодоления подобной сценической условности: «...и это четверть века спустя, как Вилье де Лиль-Адан в своей драме “Новый свет” отчеркнул две страницы и отметил “все говорят сразу”!» [15, с. 71].

Как кажется, явно звучащая в этой фразе симпатия к новшеству Вилье предвосхищает дальнейшие статьи Брюсова о театре, в которых он воспротивится абсолютизации условности. Мы же отметим, что те самые отчеркнутые “две страницы” целиком приводятся в очерке Верлена вместе с пометой “tout le monde parle ensemble” [8, с. 82–84] и, вероятно, именно поэтому Брюсов заострил внимание на этом моменте драмы.

Упоминаниями и апелляциями к авторитету интерес русского поэта к творчеству Вилье де Лиль-Адана отнюдь не ограничился. Вилье вошел в число писателей, творчество и судьба которых притягивали пристальное внимание Брюсова.

2.

1908 год можно назвать знаковым в русской рецепции Вилье де Лиль-Адана. Сотрудничая с созданным в 1907 г. книгоиздательством “Пантеон”, Брюсов выступил инициатором первого в России издания сборника новелл Вилье [16]. (В библиографии В.Я. Брюсова [12, с. 51, 52] выход в “Пантеоне” “Жестоких рассказов” датируется 1907 г. Сошлемся, однако, на письма издателя З.И. Гржебина В.Я. Брюсову [17, л. 1, 9, 10] и письмо Брюсова Гржебину [18, с. 667], свидетельствующие, что сборник не мог появиться раньше 1908 г. В частности, весной 1908 г. Гржебин обращается к Брюсову с просьбой выслать “возможно скорее рукописи ... Вилье де Лиль-Адана” [17, л. 9]).

Новоиспеченное издательство задалось целью “собрать шедевры мировой литературы и сделать их достоянием русского читателя”. Причем для полноты картины планировалось помещать “одно или несколько законченных произведений избранного автора, его портрет, биографию, характеристику его творчества и библиографию его произведений” [16, с. 115]. Такая явно выраженная просветительская установка вполне коррелировала с культуртрегерскими интенциями Брюсова, стремящегося привить русской публике вкус к европейской традиции. Составляя список книг, которые будут выпущены в “Пантеоне”, организа-

тор книгоиздательства З.И. Гржебин обратился к Брюсову с просьбой “Францию взять на себя” [17, л. 16]. Первым “шедевром французской литературы”, предложенным Брюсовым, суждено было стать “Жестоким рассказам” Вилье де Лиль-Адана. Выбор был обусловлен, вероятно, желанием вывести творчество автора за пределы бытования только в среде “избранных” (по сути, деятелей модернистской ориентации), представить его широкому читателю, превратить элитарного писателя в писателя популярного и востребованного (что вызвало скептическую реакцию у Дм. Filosofova, чью статью мы рассмотрим позже). На “Жестокое рассказы” выбор пал не случайно: Вилье де Лиль-Адан пробовал себя в разных жанрах, но Брюсов явно отдавал предпочтение его “блестящим новеллам”, а сборник “Contes cruels” – “создание безукоризненное по силе замысла и блеску языка” [16, с. 10], выход которого “Р. де Гурмон называет эпохой в литературе” [19, ст. 596], – казался ему вполне репрезентативным для отражения разнообразного творчества писателя.

Характеризуя творческую личность Вилье де Лиль-Адана, и современники, и последующие исследователи отмечают совмещение в нем “двух существенно непохожих писателей” – “романтика” (т. е. мистика) и “ирониста” [20, с. 40]. Такое соединение вполне закономерно: высмеивание филистерского существования (в случае с Вилье ирония относится к “прогрессивному” бездуховному обществу) характерно для эстетики романтизма, являясь оборотной стороной идеалистического мировоззрения. Однако в новеллистическом творчестве Вилье сатирические описания о жизни прогрессивного позитивного современного общества и рассказы, переполненные высоким романтизмом и мистицизмом, так разнятся по духу и стилю, что и в самом деле производят впечатление принадлежности разным авторам. Кроме подобных рассказов “чистого типа” в сборниках Вилье встречаются содержательно неоднозначные и приправленные тонкой иронией новеллы, выявляющие своеобразие человеческой природы.

Романтическая ирония, в основе которой – конфликт двух миров, реального и идеального, даже в восходящем к Гейне, деконструирующем себя варианте, потенциально направлена на утверждение мистических и романтических ценностей. Иронизм Вилье романтичен по своей сути, однако творчество французского писателя лишено игровой составляющей, приписываемой ранним романтикам; нет в нем и установки на самопародирование, свойственной Гейне и его последователям. Для Вилье сфера смешного и несмешного

разграничены, сакральное не подвергается осмеянию. В его новеллах можно говорить не столько о пародировании романтических штампов, сколько о горестной усмешке по поводу их пародийного воплощения в жизнь.

Новеллы, составляющие сборник “Жестокое рассказы”, вышедший в Париже в 1883 г., относятся к разным типам. Различные по сюжетам, тональности, стилистике, жанрам (рассказы-антиутопии, рассказы-диалоги, рассказы-анекдоты, рассказы-зарисовки, рассказы-иллюстрации философских идей), двадцать восемь новелл объединяются пронизывающей их авторской горечью. Неважно, о людях какой эпохи и какого социального уровня идет речь, в подтексте все равно остается недоверие автора к миру, выраженное и во внезапных концовках (разумеется, несчастливых), очевидно выявляющих невозможность воплощения высокой мечты в реальном мире, и в откровенно гротескном высмеивании современности.

Первый в России сборник новелл Вилье вышел в 1908 г. под редакцией и со вступительной статьей В. Брюсова. Для русского издания Брюсов отбирает семь новелл, предпочитая сюжетно увлекательные и тематически очень разные, что не преминул отметить рецензент А.А. Оцуп: «Среди сюжетов избранных рассказов есть и мистическое общение с умершей (“Вера”), и сатира на драматургов и публику (“Машина славы”), и одиночество заразившегося проказой герцога (“Герцог Потландский”), т.е. и страсть, и смерть, и ужас» [21, с. 55]. В этом ироничном окончании фразы озвучена важная особенность: в русском варианте книги Вилье де Лиль-Адан предстает скорее увлеченным таинственным и необычным романтиком, чем критиком нравов общества. В большинстве выбранных новелл события развиваются в исключительной обстановке и завершаются неожиданным финалом, внезапно высвечивающим новые смыслы произошедшего (классический новеллистический пуант). Делая выбор в пользу более эффектных и интригующих сюжетов, редактор несколько меняет установленное во французском сборнике соотношение между сатирически сниженным и романтически возвышенным (не в пользу первого), в результате чего изменяется и общее впечатление от книги.

В статье, которой открывалось русское издание “Жестокое рассказы”, легко угадывается связь с этюдом Реми де Гурмона “Страницы из записной книжки о Вилье де Лиль-Адане” (этот этюд, ранее переведенный Брюсовым, стал единственной

в “Весакх” объемной публикацией о Вилье). Связь выражается не только в приводимых выдержках из “Страниц ...”, но и в перекличках между текстами.

Своим воспоминаниям Р. де Гурмон предпосылает замечания, в которых обвиняет в неосведомленности, “наивной партийности” и “подслуживании успеху” современных историков литературы и выражает надежду, что со временем в “Истории французской литературы” для Вилье де Лиль-Адана найдется достойное место [22, с. 44–45]. Аналогичным образом и Брюсов в предисловии с первых строк берет тон несогласия с установившейся иерархией литературных репутаций и предсказывает ее изменение: “Золя должен будет удовольствоваться значением пяти-степенного писателя; очень поблекнет слава Гонкуров...”, а “Вилье де-Лиль-Адан и Барбей д’Ореви́льи (во многом его старший брат) должны будут выдвигаться на одно из первых мест ... рассказам и романам Вилье де Лиль-Адана ... суждено стать в числе произведений *классических* для целого ряда поколений” [16, с. 7–8]. Вероятно, провокационный тон этого вступления вызван также необходимостью утвердить принадлежность почти неизвестного русскому читателю творчества Вилье к “шедеврам мировой литературы” (ведь именно “шедевры” были анонсированы издательством).

Сведя счеты с забывчивыми историками, Брюсов обращается непосредственно к фигуре Вилье де Лиль-Адана. Представив некоторые сведения о биографии писателя, автор предисловия переключается на его “литературную жизнь”, “длившуюся 30 лет и всю состоящую из длинного ряда неудач”. Повествуя о появлении творений Вилье, русский поэт не забывает фиксировать отношение к ним современников: первый сборник юного Вилье не имел “никакого успеха”, писатель “решительно не понравился публике и критике”, другие произведения тоже «прошли почти незамеченными, и только драма “La Révolte”, поставленная в театре Водевиль, имела успех скандала...». “Только в 80-х годах появились умы, способные понять и оценить Вилье де-Лиль-Адана... нашлись читатели и поклонники” [16, с. 9, 10].

Брюсов избегает более или менее развернутой характеристики творчества избранного писателя, лишь изредка дополняя факты⁶ собственными оценками (“яркие черты самобытности и талан-

та”, “причудливость воображения и тонкая ирония”).

Рассказывая о жизни Вилье, Брюсов, конечно, касается и специфики его личности: “Будущий поэт с раннего детства проявил себя мечтателем и фантастом” [16, с. 9]. Но, дабы лучше представить все ее своеобразие, дополняет свою статью выдержками из упоминавшегося уже нами этюда Р. де Гурмона.

Опубликованные в “Весакх” записи Р. де Гурмона достаточно разнородны. Приводя разнообразные “воспоминания, замечания по поводу, мелочи” [22, с. 45], автор их характеризует Вилье де Лиль-Адана как человека и творца: представляет наброски ненаписанных рассказов Вилье, курьезные и не очень случаи из его жизни, подсказывает литературные источники некоторых произведений, оглашает собственное отношение к творениям Вилье де Лиль-Адана и его суждения о жизни.

Из всего многообразия этих обрывочных заметок В. Брюсов отбирает именно те, в которых речь идет о “методе работы” Вилье. Выстраивая их в определенном порядке (отличающемся от порядка публикации “Весов”), автор предисловия представляет русскому читателю образ писателя с невероятно богатым воображением (при этом тщательно работающего над своими произведениями), сочинения которого дают лишь “бледный ответ” “пламени” их создателя: увлекаемый своим воображением, “вместо того, чтобы писать драму, он сам любовался ходом действия, а, опомнившись, уже не мог восстановить всех сцен, промелькнувших в его мечтах” [16, с. 11].

Целевая установка краткой вступительной статьи Брюсова – представить читателю новую фигуру. Не особенности творчества Вилье де Лиль-Адана, а его биография, литературная судьба и своеобразие личности оказываются в центре внимания автора предисловия. Брюсов предпочитает не прямо характеризовать произведения писателя, а выявляет отношение к ним его современников.

Выход сборника не остался незамеченным. Появились две развернутые статьи (Д. Философова и М. Волошина) и ряд мелких рецензий, характерных для отделов “Новые книги”, “Библиография и критика” etc., авторы которых скрывались за инициалами.

Статья Д. Философова в “Московском еженедельнике” была посвящена в целом деятельности “Пантеона” и содержала ряд критических замечаний по поводу вышедших первых ласточек – “Са-

⁶ При этом факты порой страдают неточностью: ошибочно указано название поэтического сборника, драма названа романом.

ломеи" Уайльда и "Жестоких рассказов" Вилье де Лиль-Адана.

В сущности, Дм. Философов ставит вопрос о разграничении декадентской и классической литературы. По его мнению, Уайльд и Вилье де Лиль-Адан (по крайней мере, русский извод "Жестоких рассказов") – "утонченные декадентские блюда" [23, с. 43], ненужные и даже вредные для массового русского читателя.

Кроме того, по мнению рецензента, и сами выпущенные книги далеки от совершенства. В сборнике "Жестоких рассказов" его не удовлетворил ни выбор новелл, ни написанная Брюсовым вступительная статья.

Главная претензия к "краткому и поверхностному" предисловию Брюсова – отсутствие развернутой и обоснованной характеристики творчества Вилье: "...можно требовать от редактора, чтобы он в вводной статье сделал для широкой публики серьезную характеристику переводимого писателя и, не ссылаясь на ничего не говорящие для среднего читателя авторитеты Верлэна и Реми-де-Гурмона, попытался сам выяснить значение Вилье и его место в европейской литературе. Такая задача вполне по силам В.Я. Брюсову, этому тонкому и знающему ценителю современной западной литературы, и я не без огорчения прочел шесть страничек его предисловия, бледного, жалкого и не интересного" [23, с. 39].

Вероятно, по мысли Брюсова, обрисовавшего в предисловии литературную биографию Вилье, сложности судьбы французского писателя и необычайность его личности должны были подкрепить интерес читателя к его творениям. Можно предположить также, что самому Брюсову интереснее было размышлять над перипетиями литературной жизни Вилье и контрастами в оценках произведений писателя, чем анализировать его творчество. Кроме того, Брюсову, еще в 1894 г. со всем пылом юности переводившего "Романсы без слов", и с 1904 г. издававшего "Весы", пестрящие французскими именами, вероятно, не хотелось думать, что "авторитеты Верлена и Реми де Гурмона" "ничего не говорят читателю".

Именно ориентируясь на вкус читателя, В. Брюсов делает выбор рассказов для русского сборника. Как нам кажется, в его внимании к необычным и интригующим сюжетам кроме симпатии к классической новеллистической форме сквозит желание сделать творчество нового автора привлекательным для читателя, заинтриговать его.

Однако такой подход совершенно не устраивает Философова, в целом достаточно лояльного

к творчеству Вилье де Лиль-Адана. Причисляя французского автора к "замечательным писателям", Д. Философов, тем не менее, отмечает неровность его таланта, трудность проникновения в глубину произведений Вилье: "...для того чтобы по достоинству оценить его творчество, надо употребить серьезные усилия, надо много доброй воли, чтобы пробраться сквозь зачастую неудачные отдельные вещи до самого духа, внутреннего ядра его художественной личности" [23, с. 37–38].

Как ему кажется, выбранные рассказы дают очень слабое и неверное представление о творчестве глубокого писателя. Только две из семи опубликованных в русском сборнике новелл достойны Вилье – это "Сентиментализм" и "Желание быть человеком", – так как только в них воплощаются *характерные* для творчества Вилье черты: "герметичность замысла" и "блеск формы". «Остальное – иногда курьезные, иногда скучные, отнюдь не "жестокие" повестушки, приемлемые в оригинале, но просто неудобоваримые в "перепертом" на русский язык виде. ... Главный их грех, что они не *характерны* для Вилье. Смахиывают на плохого Эдгара Поэ или неудачного Барбэ д'Оревилли... » [23, с. 38].

Столь безапелляционное осуждение вызвано принципиально другим пониманием того, как нужно представлять творчество писателя и что такое *характерное* в творчестве. Брюсов стремился познакомить читателя с *разным* Вилье, передать впечатление о разнообразии (хотя бы тематическом) его творческих предпочтений. В книге, несмотря на уклон в сторону необычного и таинственного, все же представлены произведения, являющие собой выражение крайних полюсов творчества Вилье: совершенно мистическая "Вера" и откровенно сатирическая "Машина славы". Философов же считает нужным познакомить читателя с лучшими (на его взгляд) творениями автора, оставляя в стороне менее удачные (опять-таки, на его взгляд). Выделяя более совершенные новеллы, Философов отмечает их формальные достоинства. Однако, как нам кажется, не менее важным для него был содержательный критерий: оба названных рассказа обращены к сущности человеческой природы и дают больше возможностей интерпретации. Выбор Брюсова, сделанный не только в пользу рассказов, обладающих значительным смысловым потенциалом, вызвал у Философова взрыв негодования: «Спрашивается, для чего было представлять русской публике Вилье де Лилиа в столь неблестящей одежде, к чему придавать ему обличье ловкого

рассказчика-фантазера, человека с глубокой душой выставлять светским французским писателем из “католиков и роялистов”?» [23, с. 38].

Совсем по-другому выход “Жестоких рассказов” оценил М. Волошин – человек, за которым даже более чем за Брюсовым закрепилась репутация “литератора, глубоко пропитанного французской культурой” [3, с. 308]. Об отношении Волошина к французскому писателю судят обычно по его статье в “Аполлоне” “Апофеоз мечты и смерти”. Мы же обратим внимание на другой волошинский текст – написанный в связи с выходом русского сборника “Жестокие рассказы” фельетон “Лики творчества. Вилье де Лиль-Адан”, опубликованный в газете “Русь”.

Экспрессивный стиль Волошина-критика полностью проявился в этой статье, проникнутой восхищением перед французским автором; его рецензия превращается в восторженный гимн писателю: “Вилье-де-Лиль-Адан – непризнанный гений во всем романтически-царственном блеске этого слова. ... Все было соединено в жизни Вилье-де Лиль-Адана, чтобы создать законченный образ непризнанного гения: аристократизм крови, галлюцинация мечты, гениальная ирония и легендарная нищета” [24, с. 2]. Статья Волошина – это не последовательный рассказ о жизни писателя, как то было у Брюсова, – это умышленное создание возвышенного образа героя/гения, напоминающее отчасти мифотворческое преобразование.

Биографическим фактам Волошин предпочитает рассказ о древности рода Вилье, сведениям о литературной деятельности – пространные цитаты из Реми де Гурмона и Малларме. М. Волошин отнюдь не стремится развенчать легенды и слухи, окружавшие Вилье еще при жизни. Напротив, неподтвержденные достоверно детали его частной жизни (необходимость зарабатывать на жизнь уроками бокса, служба манекеном у врача-психиатра, привычка носить рукописи, “написанные на папиросных бумажках”, “сжатыми в комок в своих карманах”) в сочетании с убежденностью французского писателя в законности своих притязаний на французский престол и владение греческим островом служит для Волошина ярчайшей иллюстрацией того, что “реальное существование Вилье было великолепной антитезой грандиозной мечты его” [24, с. 2]. А, пожалуй, смешение мечты и реальности – самое привлекательное в судьбе Вилье для мифотворца Волошина. (В то время, как Брюсова больше интересует соотно-

сность таланта писателя с отношением к нему читательской аудитории.)

Вторая часть волошинского текста посвящена вышедшей в “Пантеоне” книге. В центре внимания оказывается рассказ “Машина славы”, но Вилье-сатирик приобретает под пером Волошина возвышенные черты: “Случайный посетитель XIX века, порожденный иным духом, просветленный иным сознанием, пришедший из иных миров, он первый, быть может, понял все демоническое значение машины в жизни человека и всю диалектическую иронию, заключающуюся в рабском и восторженном преклонении европейца перед гениальностью машины” [24, с. 2]. Дальнейшая характеристика новеллы сводится к пересказу и цитированию. О других рассказах из сборника сказано совсем немного.

Впрочем, у Волошина, как и у Философова, есть претензии к выбору рассказов, но они иного характера – выбрано слишком мало: «почему, например, нет в сборнике таких характерных рассказов, как “Мадемуазель де Бьенфилтр” или “Дочери Мильтона”? И надо ли было делать выбор из “Contes cruels”, которых не так и много?» [24, с. 3].

О предисловии Брюсова Волошин замечает: «Вступительная статья В. Брюсова написана сжато, сдержанно и сухо, тем корректным тоном, которым подобает говорить равному о равном, написана безукоризненно, если не считать того, что центральное произведение Вилье – трагедия “Аксель” – названа романом» [24, с. 3].

Конечно, такая ошибка Брюсова покорила Волошина – истого поклонника “Акселя”. Как мы уже заметили, о самих рассказах, за исключением “Машины славы”, Волошин сказал очень мало. Для завершения создаваемого образа Вилье-человека он привлекает пространные цитаты из “Будущей Евы” и “Акселя”, которыми утверждается “царственное самодержавие мечты”.

Статья Волошина в определенной мере восполнила “сухость” брюсовского предисловия. Характерно, что А.А. Оцуп именно с нее начинает отсчет знакомства русской публики с Вилье: «...об Адане у нас заговорили только после фельетона Макса Волошина “Непризнанный гений”»⁷ [21, с. 54]. Знакомство с брюсовским и волошин-

⁷ А.А. Оцуп неточно приводит название фельетона. Очевидно, речь идет о рассмотренной нами статье “Лики творчества. Вилье де Лиль-Адан” [24], в которой Волошин неоднократно называет французского писателя “непризнанным гением”.

ским текстами в разной мере сказываются в последующих рецензиях. По крайней мере, все без исключения рецензенты заостряют внимание на соотношении таланта и непризнанности французского писателя.

Многие авторы откликов на сборник увидели в Вилье таинственного мистика, увлеченного неординарными сюжетами, сравнимого с Э. По. Конечно, прежде всего в глаза бросалась тематическая близость мистических новелл, именно это отметил А.К. [Куприн]: «Если “Жестокие рассказы” напоминают кого-нибудь – то, конечно, Эдгара По; обоих авторов вдохновляет чудесное, сверхъестественное и ужасное. Смерть, общение с умершими, самоубийство, страшный бич восточной проказы, грабежи в древних гробницах, смертная казнь, любовь, соединенная с жестокостью, – вот центральные эпизоды в рассказах В.-де-Лиль-Адана» [25, с. 130].

Другой рецензент – А.А. Оцуп – определяет специфику творчества Вилье, встраивая его в парадигму авторов: «Как бы то ни было, этот писатель интересен в высшей степени. Его творчество идет по какой-то равнодействующей между Мопассаном и Эдгаром По. Его герои имеют всю жизненность, страстность и напряженность Мопассана, и души их почти всегда витают около таинственного и ужасного, как у Эдгара По. Некоторая доля рассудочности удаляет его от первого, а особенная пристальность описания приближает ко второму» [21, с. 55].

Сходство творческого метода писателей позже подчеркнет и Брюсов: «По манере творчества Вилье всего ближе подходит к Эдгару По: в новеллах В.[илье де Лиль-Адана] та же смелость и оригинальность замысла, та же способность зачаровывать читателя самым стилем, то же умение рассказывать фантастические вещи со множеством реалистических деталей, убеждающих в правдивости рассказа» [19, ст. 596].

Кроме того, можно сказать, что “доля рассудочности”, удаляющая Вилье от Мопассана, приближает его к Э. По. Рациональное начало дает о себе знать и в попытках обосновать некоторые чудесные явления, и в описании механизмов действия выдуманных им машин, и в скептической иронии Вилье.

Подобно тому как Эдгар По и вслед за ним сам Брюсов совмещали в своем творчестве тяготение к таинственному и научному, в творческом сознании Вилье идеализм сосуществовал с рассудочностью, которая то сквозит в мистических рас-

сказах, то оборачивается скепсисом сатирических новелл. Составленный Брюсовым сборник рассказов акцентировал читательское внимание на романтически-мистической стороне творчества французского автора. Вероятно, это не нравилось и самому Брюсову, который в ноябрьском номере “Весов” достаточно критично отзывался о собственном детище. В заметке, явившейся некоторого рода ответом Философову, Брюсов под псевдонимом М.П. пишет о деятельности “Пантеона”. Он достаточно сжато обозначает программу, перспективы, свершения. Среди последних оказывается сборник “Жестоких рассказов”, о которых писатель замечает: «Под ред. Валерия Брюсова издан перевод некоторых “Contes cruels” Вилье де-Лиль-Адана. Великой книге давно пора было занять свое место в русской литературе, и то, что издание уже распродано, показывает, что это совершилось. Но надо признать большим минусом, что переведена не вся книга, а лишь немногие избранные рассказы (всего 7 из 28). Предисловие В. Брюсова сухо и не свободно от ошибок» [26, с. 66]. В двух последних предложениях можно уловить отголоски волошинской статьи.

Тем не менее, несмотря на “минусы”, издание сборника повлекло за собой всплеск интереса к творчеству Вилье де Лиль-Адана. Помимо появления рассмотренных рецензий (и благодаря им), с 1908 года увеличивается количество произведений Вилье в периодической печати, появляется несколько отдельных изданий его рассказов, выходит в свет собрание сочинений писателя. В двух номерах газеты “Огонек” публикуется пересказ его романа “Будущая Ева”.

Изданием сборника “Жестоких рассказов” деятельность Брюсова, направленная на ознакомление русской публики с талантливым автором, не ограничилась. Через несколько лет он обратится к рассказам другого типа.

3.

Будучи редактором литературного отдела “Русской мысли”, Валерий Брюсов помещает в этом журнале две новеллы Вилье де Лиль-Адана под общим заглавием «Из “Необычных рассказов”» [27]. Обе новеллы – “Героизм доктора Галлидонхия” и “Попечитель” – переведены самим Брюсовым (под псевдонимом Аврелий), хотя перевод прозы – достаточно редкое явление в его литературной деятельности.

В комментарии, которым переводчик сопроводил публикацию, отчасти объясняется выбор сборника: он обусловлен недавним переизданием

во Франции “Histoires insolites”⁸, первое издание которых “давно стало книжной редкостью”. Иными словами, Брюсов хочет представить книгу, совсем недавно ставшую литературным событием во Франции.

Попробуем понять, почему для перевода и публикации были выбраны именно эти произведения.

“Героизм доктора Галлидонхия” и “Попечитель” – рассказы, в которых наилучшим образом проявилась не раз отмечаемая Брюсовым “тонкая ирония” Вилье. Смысловая основа этих новелл (как и большинства иронических рассказов Вилье, направленных “против духа современной культуры” [19, ст. 596]) – страх за духовное начало личности. Иронический эффект достигается с помощью повествовательной техники: использования “чужого голоса” и соблюдения той нужной дистанции между словами рассказчика и мыслью автора, при которой читатель чувствует глубину зашифрованного смысла, но не может раскрыть его до конца. Если в “Попечителе” между строк то и дело проявляется усмешка автора, то в “Героизме доктора Галлидонхия” он совсем скрывается за маской восторженного рассказчика, который вполне мог бы быть репортером, излагающим “обстоятельства дела”. Возможно, умелое использование масок и привлекло Брюсова – “поэта, сделавшего *дистанцирование* от любой лирической или экзистенциальной ситуации ... своей жизненной и творческой установкой” [28, с. 175].

Кроме того, отзывы о творчестве Вилье редко обходятся без упоминания об отточенности языка его новелл. Отдавая должное мастерству Вилье-стилиста, Брюсов, вероятно, хотел попробовать воспроизвести его “блестящий стиль” на родном языке.

Еще одно немаловажное свойство обоих рассказов: они интересны. Даже не понявший всей горечи авторской иронии читатель мог быть вполне удовлетворенным, приняв их за “любопытные безделки”.

⁸ На самом деле в издательстве “Mercure de France” в 1909 г. вышла книга “Derniers Contes” (“Последние сказки”), в которую были включены сборники рассказов “Histoires insolites” и “L’Amour suprême”. Состав сборника “L’Amour suprême” совпадает с составом сборника “Le secret de l’échaufaud” (Р. [1888]), экземпляр которого, испещренный пометами и подчеркиваниями, хранится в фонде Брюсова ОР РГБ. Вероятно, В.Я. Брюсов собирался представить русской публике и эту книгу, но планы не были осуществлены.

В период сотрудничества с “Русской мыслью” Брюсову приходилось считаться с предпочтениями аудитории. Хорошо известно его письмо редактору П.Б. Струве: «Критике (и неразрывно связанной с ней библиографии) я придаю в журнале очень большое значение. В отделе т<ак> называемой> беллетристики порой приходится, как мы с Вами говорили, уступать желаниям читателей, ищущих прежде всего “чтения”. В критике журнал может быть гораздо более самостоятельным, не идти за читателями, а вести их» [29, с. 285].

Публикуя эти рассказы Вилье, Брюсов убивал сразу двух зайцев: удовлетворял читателей, ищущих занимательности, и одновременно развивал вкус аудитории, “вел” ее.

О стремлении направлять читательский интерес свидетельствует и сопровождающий перевод комментарий, в котором В. Брюсов обращает внимание на “все усиливающийся в последнее время интерес к творчеству Вилье де Лиль-Адана, которое было столь легкомысленно и столь несправедливо пренебрежено его современниками” [27, с. 158], а также напоминает о существующем русском издании “Жестоких рассказов” и подготовке полного собрания сочинений писателя.

Наряду с другими переводами новеллистического жанра эти рассказы впоследствии вошли в сборник “Разноцветные камни. Книга маленьких рассказов, собранных и переведенных под ред. В. Брюсова”, выпущенным в издательстве “Альциона” в 1914 году. В предисловии издательства, написанном, вероятно, В. Брюсовым или с его подачи, Вилье де Лиль-Адан назван “оригинальнейшим из всех мировых писателей” [30, с. 5].

И в издании “Жестоких рассказов”, и в публикации “Необычайных историй” в “Русской мысли” Брюсов стремился в первом приближении дать понятие о писателе Вилье де Лиль-Адане, а заодно и наметить путь к дальнейшему его постижению. В 1910-е гг. русский автор пробует на другом уровне осмыслить творчество и судьбу Вилье. Сохранился черновик его критической статьи о творчестве мэтра, неоконченный и не полностью подвергающийся расшифровке. Но прежде чем обратиться к нему, остановимся на другом тексте, вероятно спровоцировавшем дальнейшие размышления Брюсова о феномене Вилье де Лиль-Адана.

4.

В 1911–1912 гг. в России предпринимается издание “Нового энциклопедического словаря” Брокгауза и Ефрона, для которого В. Брюсов пишет ряд статей о писателях, в том числе о Вилье де Лиль-Адане. Мы постараемся выделить некоторые особенности брюсовского восприятия Вилье, сравнив эту статью с аналогичным текстом – появившейся двадцатью годами ранее словарной статьей З. Венгеровой [31]. При том, что сам жанр словарной статьи достаточно четко регламентирован и определяет состав информации, две обязательные составляющие – биография и творчество – поданы авторами совершенно различно.

В. Брюсов с первых строк выделяет аспект, отсутствующий у его предшественницы: отношение читателей к творчеству Вилье: “При жизни не пользовавшийся успехом в широких кругах читателей, ценимый лишь немногими избранными, В. по смерти нашел восторженных почитателей, создавших особый культ из изучения его произведений” [19, ст. 595]. Выстраивая литературную биографию Вилье (по канве, во многом повторяющей предисловие к “Жестоким рассказам”), Брюсов не забывает отметить, как было встречено то или иное произведение писателя (вплоть до того, что приводит сведения о гонорах).

Что касается характеристики творчества, то оба автора обращают внимание на совмещение в творчестве писателя фантастической, мистической стороны и остросовременной сатиры на реальность, но по-разному ставят акценты. По Венгеровой, основной идейный вектор творчества Вилье определяется стремлением “создать себе, среди окружающей лжи и пошлости, свой особый мир, где царствует величие духа и мистическая красота, свойственная творческой мысли” [31, с. 370]. Подробнее З. Венгерова останавливается на “символических драмах” (“Axël”, “Le Nouveau Monde”), и совсем немного слов уделяет ироническим новеллам Вилье (“книгам, относящимся прямо к жизни”). Таким образом, на первый план выходит мистическая и мечтательная сторона таланта писателя. В. Брюсов же в качестве особенности Вилье подчеркивает его “тонкую иронию, направленную против духа современной культуры, чаще всего – против антирелигиозной науки и принципов демократии” [19, ст. 595] и останавливается на сатирических новеллах, лишь вскользь упоминая драмы и роман “Isis”. О важности для Вилье категории мечты Брюсов не распространяется, ограничиваясь указанием, что положительными типами у В. “являются обычно

лица, настроенные мистически, живущие мечтой, ищущие в повседневности поэзии” [19, ст. 595]. (Обратим внимание, насколько иначе о том же говорит З. Венгерова: “...характер исключительности, тонкой, нервной организации лежит на всех, создаваемых В. символических образах” [31, с. 371].)

Кроме того, В. Брюсов дает лестную оценку формальной стороне творчества Вилье де Лиль-Адана, выделяя “мастерство изысканного языка, своеобразие и яркость образов, умение в немногих сжатых словах нарисовать картину и выяснить характер” [19, ст. 596].

Статья Брюсова заканчивается сведениями библиографического характера (у Венгеровой отмечено только отсутствие “полного издания сочинений”), явно рассчитанными на читателя, желающего продолжить знакомство с творчеством Вилье: указаны французские переиздания последних лет, издания на русском языке, а также существующие биографии (причем выделена “лучшая” – E. de Rougemont “V. de l’I.-A” – и “важные”).

Вероятно, в процессе работы над текстом для словаря у Брюсова появилось желание написать развернутую статью о творчестве Вилье де Лиль-Адана. Сохранившийся черновик в какой-то мере объясняет, чем именно фигура Вилье притягивала внимание Брюсова.

Лейтмотивом первой (подавшейся расшифровке) части рукописи становится вопрос о творческой судьбе Вилье. Как и предисловие к “Жестоким рассказам”, статья начинается пассажем о предполагаемой перестановке в иерархии французских романистов (“не только Золя и натуралисты, но даже такие безусловные таланты, как Альфонс Доде и Гонкуры, должны будут почтительно предоставить первое место Вилье де Лиль-Адану...” [5, л. 1]), но если в 1908 г. это звучало как личное мнение Брюсова, то теперь это “убеждение определенной группы критиков и читателей”, уверенность поклонников и биографов Вилье. Несоответствие между восхищением, которое испытывает пред его творчеством небольшая группа поклонников (в основном состоящая из собратьев по перу), предрекавшая ему мировую известность, и неизменным равнодушием читающей публики кажется Брюсову парадоксальным. Он старается понять, почему же при наличии, казалось бы, всех предпосылок для известности, приходится признать, что Вилье “был, и остался, и, кажется, надолго останется – непризнанным, проклятым, отверженным” [5, л. 3].

Когда-то, в одной из первых русских работ о Вилье, З. Венгерова заключила: “Вилье де Лиль-Адан несомненно – один из самых крупных французских поэтов последнего времени, и если его литературная слава не стоит на высоте его таланта, то главная причина этого – незнакомство читающей публики с произведениями поэта” [32, с. 445]. Спустя двадцать лет (и во многом благодаря стараниям Брюсова) положение было исправлено. “Нельзя сказать, чтобы имя Вилье де Лиль-Адана было совершенно чуждо русской публике”, – отмечает писатель. В России «был издан по-русски (к-вом “Пантеон”) томик рассказов Вилье, вскоре переизданный “Универсальной библиотекой”, этот томик, в повторных изданиях, разошелся в десятках тысяч экземпляров ... Еще позже переводы рассказов Вилье по поводу переиздания его забытых книг, появлялись в “Русской мысли” и других журналах... Короче говоря, русский читатель, если бы хотел, имел все возможности узнать и полюбить Вилье де Лиль-Адана...» [5, л. 1]. Но, несмотря на то, что его произведения вполне доступны, он остался чужим среднему читателю в России и, более того, даже во Франции: “и там и здесь, его сочинения остаются достоянием узкого кружка эстетов-ценителей, которые продолжают настаивать на величии своего любимого писателя” [5, л. 2].

Один из таких “эстетов-ценителей”, Брюсов, тем не менее, считает творчество Вилье вполне привлекательным и для “среднего читателя”. С чертами, позволяющими признать Вилье настоящим мастером высокой литературы (“с силой его иронии и сарказма мог бы поравняться только Свифт”), такими, как “блестящий ум, яркое остроумие, тонкая ирония”, которые “сверкают с каждой его страницы”; смелость мысли; оригинальность и выработанность стиля (“тонкий стилист, любивший и ценивший слово”); виртуозное владение стилевыми регистрами; и, наконец, отразившаяся в творчестве возвышенная душа, сочетающаяся с занимательными, даже захватывающими сюжеты, яркие (“выпуклые”) образы, необычные характеры (“никто, кроме него, не изображал таких людей”), т. е. особенности, делающие творчество Вилье “соблазнительным” для читателя [5, л. 3].

Кроме того, “средний русский читатель”, для воспитания вкуса которого Брюсов приложил определенные усилия, уже усвоил “имена и Октава Мирбо, и Поля Адана, и Пьера Луиса, и двух Рони, и Гюисманса” [5, л. 2]. И даже больше, признание получили все “проклятые поэты” (вновь

обращение к книге Верлена “*Les poètes maudits*”), все – кроме Вилье де Лиль-Адана, он один «продолжает быть “проклятым”, “отверженным”» [5, л. 4] – и этим, конечно, интересен Брюсову.

Несмотря на все предпосылки к известности (его произведения доступны, его произведения качественны и привлекательны, вкус публики достаточно развит), читатели по непонятным причинам “не знают, не хотят знать, а главное, не любят” [5, л. 3] этого писателя. Вопрос о механизме формирования писательской популярности выносится на первый план, становится ключевым в осмыслении В. Брюсовым феномена французского автора.

Для человека, в двадцать лет записавшего в дневнике: “Талант, даже гений честно дадут только медленный успех, если дадут его. Это мало! Мне мало” [13, с. 197], – естественно пристальное наблюдение за восприятием читателями и критикой творчества того или иного писателя. Обращаясь к творческому пути какого-либо литератора, В. Брюсов зачастую отмечает оценку его произведений публикой, ее реакцию на вышедшие книги. Сама ситуация непризнания талантливого художника современниками не удивительна. Например, равнодушие читателей к Верлену в начале его литературного пути для Брюсова вполне объяснимо: “Автор целого ряда замечательнейших книг лирики ... Поль Верлэн был почти совсем неизвестен в литературных кругах. Впрочем нельзя было особенно упрекать в этом критиков и читателей: у большинства книг Верлэна была своя, печальная судьба, участь неудачников” [33, с. 6]. Неудачу книг Верлена В. Брюсов находит объективное объяснение, связанное со временем и обстоятельствами их издания. (“Романсы без слов” написаны во время тюремного заключения их создателя, “Милая песенка” – во время войны, “*Sagesse*” опубликованы издателем католических религиозно-нравственных сочинений.) А за бедственное положение Верлена в конце жизни, когда успех пришел к его произведениям, В. Брюсов полагает ответственным самого мэтра: «В конце 80-х годов открылся Верлэну доступ в большие журналы. Его имя получило не только огласку, но и подлинную известность. Быстрыми шагами подходила слава. Если бы Верлен в ту эпоху “мог взять себя в руки”, вести жизнь, которая почитается должной для людей, “стоящих на виду”, работать систематически, – он, без всякого сомнения, добился бы и высокого положения в литературном мире, и материального благополучия...» [33, с. 13].

Иная – “загадочная” – ситуация складывается вокруг имени Вилье де Лиль-Адана: «Критики всех стран обращают внимание читателей на великого писателя, и читатели все[го] мира, словно по молчаливому согласию, отвечают “Мы не хотим его знать!”» [5, л. 4]. Судя по всему, разбираться с этой “загадкой” Брюсов собирался, анализируя творчество Вилье (в черновике сохранились отрывки разбора отдельных новелл), – но замыслу не суждено было воплотиться, законченной обобщающей работы по творчеству Вилье Брюсов не оставил.

Разумеется, для русского поэта литературная критика была отнюдь не единственной возможностью осмыслить творчество французского мэтра. Активно осваивая в собственных произведениях художественный опыт предшественников, Брюсов не обошел стороной и творения Вилье – признанного мастера новеллы. Так, можно заметить связь святочного рассказа Брюсова “Защита” с философско-мистической новеллой Вилье “Вера”. Вложенный в основное повествование “Защиты” рассказ героини составляет сюжет, перекликающийся с новеллой Вилье. Однако брюсовская развязка событий имеет “двойное дно”, отчасти оказываясь профанацией, в чем можно усмотреть пародию на возвышенно-романтическую кульминацию “Веры”.

Без внимания В. Брюсова не осталась и фантастика иного рода. Ряд новелл Вилье де Лиль-Адана, сатирический эффект которых основан на восторженном прославлении торжества позитивной науки и медицины, вполне может быть дополнен брюсовским рассказом-памфлетом “Торжество науки”, а герой этого рассказа – Директор Теургического института, ставящий себя на место Бога, – напоминает ученых-позитивистов, появляющихся во многих “антинаучных” новеллах французского писателя. Авторы пользуются похожими средствами: доведение ситуации до абсурда, гротескные образы, контраст между восторженной оценкой изобретения приверженцами позитивной науки и отношением к нему автора (и читателя), мнение которого скрыто за текстом у Вилье и эксплицировано в реакции рассказчика у Брюсова. Можно сказать, что это отличие, как и суть изобретений, делают сатиру Вилье более направленной на нравы современного общества, в котором подобные эксперименты востребованы и поощряемы, в то время как в памфлете Брюсова на первый план выходит проблема ответственности ученых за свою деятельность.

Кроме того, можно указать на неоднократное появление в творчестве писателей сходного типа героя (но уже совсем иного) – идеально влюбленного юноши. Завязка всегда одинакова: неопытный, чистый душой, идеальный юноша влюбляется в более опытную прекрасную женщину. Дальнейшее развитие событий зависит от поведения женщины (юноша, в соответствии со своим типом, всегда остается пассивным исполнителем воли возлюбленной). Вилье, выводя этот тип в лирических новеллах, к романтической разработке сюжета добавляет горчинку в виде намека на убожество общества, в котором такие характеры являются редчайшим исключением.

У Брюсова упомянутый сюжетный инвариант различным образом реализуется в трех рассказах: “Ее решение”, “Через 15 лет”, “Кама Шутра”. Эти новеллы лишены социальной подоплеки. Автор создает определенную ситуацию и, предлагая различные возможности ее разрешения, всматривается в проблему противоречий, неминуемо появляющихся при столкновении идеальной мечты и реальности.

Нет оснований видеть в подобном сходстве заимствование или влияние французского автора на русского, более вероятно, что в данном случае мы имеем дело с близостью типологического порядка.

* * *

Получив начальное представление о неординарной фигуре Вилье де Лиль-Адана из восторженного эссе Верлена, Брюсов на протяжении почти четверти века сохранял живой интерес к творчеству и судьбе этого писателя. Интерес этот только усиливался благодаря легенде, созданной вокруг Вилье его собратьями по перу и поклонниками. Литературная судьба французского автора, в которой нищета соединилась с аристократизмом, а непризнание широкого круга читателей – с поклонением истинных ценителей литературы, занимала не только Брюсова. В свете двойного измерения “мечта-реальность” осмысляет феномен личности и творчества Вилье другой русский франкофил-мифотворец Волошин. Однако пристальное внимание Брюсова к судьбе “проклятого из проклятых” соотносится, вероятно, с интересом вождя русского символизма к механизму формирования писательского успеха.

Проблема литературной репутации неразрывно связана с проблемой читательского вкуса, “воспитание” которого включалось в сферу культуртрегерской деятельности Брюсова. В отличие от Философова, считающего вполне закономерным

периферийное положение Вилье в массовом читательском сознании, Брюсов видит в творчестве французского писателя достаточно предпосылок, чтобы быть признанным “средним русским читателем”.

Знакомя русскую публику с новеллами Вилье де Лиль-Адана, Брюсов старается представить его талант во всем многообразии. Если состав первого русского сборника избранных “Жестоких рассказов” придавал творчеству писателя таинственную окраску, связывая его с мистиком Э. По, то переведенные самим Брюсовым “Необычайные истории” добавляли штрихи к облику Вилье-сатирика.

Интерес к сатирическому опыту признанного мастера новеллы проявился не только в переводческой деятельности Брюсова, но и в его художественной практике. Обращаясь к проблеме соотношения морали и прогресса в рассказе-памфлете, Брюсов во многом наследует традицию “антинаучных” новелл-пародий Вилье де Лиль-Адана. В то же время в преобразовании серьезного мистического сюжета Вилье русский писатель остается внутренне полемичным по отношению к романтически-возвышенной тональности его новеллы. Это выражается в создаваемой Брюсовым тонкой многоуровневой иронии, основанной на формально-сюжетной игре. Нельзя забывать, однако, что в ироническом переигрывании мистики заложено потенциальное ее утверждение. Анализ взаимодействия русского писателя с текстами французского автора не только приводит к новому прочтению произведений малой прозы Брюсова, но и позволяет увидеть разные способы функционирования иронического в его новеллах.

Осмысление Брюсовым феномена Вилье де Лиль-Адана выводит к важной для русского мэтра проблеме взаимодействия писателя и читательской аудитории, а также ее уровня, потребностей и пристрастий в начале XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Поступальский И.С.* Валерий Брюсов и Леконт де Лиль // Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964. С. 420–427.
2. *Файн С.В.* П. Верлен и поэзия русского символизма (И. Анненский, В. Брюсов, Ф. Сологуб). Дисс. канд. филол. наук. М., 1994.
3. *Дубровкин Р.* Стефан Малларме и Россия. Bern: Peter Lang, [1998].
4. *Дубровкин Р.* Рене Гиль и Валерий Брюсов. Хроника одной переписки // Рене Гиль – Валерий Брюсов. Переписка. 1904–1915. СПб., 2005. С. 5–62.
5. *Брюсов В.Я.* Статьи о Вилье де Лиль-Адане. ОР РГБ, ф. 386, к. 47, ед. хр. 19, л. 1–9.
6. *Волошин М.А.* Апофеоз мечты и смерти. (Трагедия Вилье де Лиль-Адана “Аксель” и трагедия его собственной жизни) // Аполлон. 1912. № 3/4. С. 68–90.
7. *Венгерова З.* Поэты-символисты во Франции // Вестник Европы. 1892. № 9. С. 116–143.
8. *Verlaine P.* Villiers de l'Isle-Adam // Les poètes maudits. Paris, 1888. P. 77–88.
9. *Санапов К.С.* Французский символизм в системе взглядов В.Я. Брюсова в долитературный период // Брюсовские чтения 1996 г. Ереван, 2001. С. 312–335.
10. *Брюсов В.Я.* “Мои стихи”. Записная тетрадь № 3 grim. ОР РГБ, ф. 386, к. 14, ед. хр. 3.
11. *Брюсов В.Я.* Записная книжка “Я и мир. Первые шаги на общественной арене”. ОР РГБ, ф. 386, к. 1, ед. хр. 20.
12. Библиография: В.Я. Брюсов: 1884–1973 / Сост. Э.С. Даниэлян; Ред. К.Д. Муратова. Ереван, 1976.
13. Из дневника Валерия Брюсова 1892–1893 годов (Подг. текста, вступ. статья и примеч. Н.А. Богомолова) // Новое литературное обозрение. 2004. № 65. С. 185–207.
14. *Страшкова О.К.* Проблема театра в статье “Ненужная правда” // Брюсовский сборник [3]. Ставрополь, 1977. С. 112–127.
15. *Брюсов В.Я.* Ненужная правда. (По поводу Московского художественного театра) // Мир искусства. 1902. Т. 7. № 1–6. С. 67–74.
16. *Вилье де Лиль-Адан О.* Жестокие рассказы. СПб.: Пантеон, 1908.
17. Письмо З.И. Гржебина В.Я. Брюсову от 31 октября 1907 г. // *Гржебин З.И.* Письма к Брюсову В.Я. 1906–1907. ОР РГБ, ф. 386, к. 84, ед. хр. 1.
18. Письма к З.И. Гржебину. Публикация Э.С. Литвин // Литературное наследство. Валерий Брюсов. М., 1976. Т. 85. С. 666–669.
19. *Брюсов В.Я.* Вилье де Лиль-Адан // Новый энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1912. Т. X. Ст. 595–597.
20. *Гурмон Р.* де Вилье де Лиль-Адан // Книга масок. Томск, 1996. С. 39–42.
21. *С.Г. [Оцуп А.]* Вилье де Лиль-Адан. Жестокие рассказы. Пер. Б. Рунт. Под ред. и с пред. В. Брюсова. [Рецензия на книгу] // Образование. 1908. № 9–10. С. 54–55. Псевдоним раскрыт в библиографии В.Я. Брюсова [12, с. 269].
22. *Гурмон Р.* де. Страницы из записной книжки о Вилье де Лиль-Адан // Весы. 1906. № 6. С. 44–51. Авторство перевода раскрыто в библиографии В.Я. Брюсова [12, с. 46].

23. *Философов Д.В.* Мировая литература // Московский еженедельник. 1908. № 21. С. 36–44.
24. *Волошин М.А.* Лики творчества. Вилье де Лиль-Адан // Русь. 1908. 23 мая. С. 2–3. Статья републикована: *Волошин М.А.* Вилье де Лиль-Адан // Собр. соч.: В 10 т. Т. 6, кн.1. М., 2007. С. 138–149.
25. *А.К. [А. Куприн]* Вилье де Лиль-Адан. Жестокие рассказы. Пер. Б. Рунт. Под ред. и с пред. В. Брюсова // Современный мир. 1908. № 7. С. 130–131. [Рецензия на кн.]
26. *М.П. [Брюсов В.]* Пантеон // Весы. 1908. № 11. С. 65–67. Псевдоним раскрыт в словаре И.Ф. Масанова (*Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 2. М., 1957.)
27. *Вилье де Лиль-Адан.* Из “Необычных рассказов” // Русская мысль. 1910. № 10. С. 158–168.
28. *Иванова И.Н.* Иронизм В.Я. Брюсова как художническая позиция (раннее творчество) // Брюсовские чтения 2010 года. Ереван, 2011. С. 175–186.
29. Письмо В. Брюсова П.Б. Струве от 21 сент. 1910 г. // Литературный архив. Т. 5. М.; Л., 1960.
30. Разноцветные камни. Книга маленьких рассказов, собранных и переведенных под ред. В. Брюсова. М., 1914.
31. *З.В. [Венгерова З.]* Вилье де Лиль Адан // Энциклопедический словарь – СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1892. Т. IV. С. 371–372.
32. *Венгерова З.* Villiers de l’Isle Adam, par R. du Pontavice du Heussey. Paris 1893 // Вестник Европы. 1894. № 1. С. 442–445.
33. *Брюсов В.Я.* Как предисловие // Верлен П. Записки вдовца. М., 1911. С. V–XV.